

Оружейник Великой Степи

I TOM

FAST FEET

East Fest

Оружейник Великой Степи. Том 1

«Автор»

2026

Fest E.

Оружейник Великой Степи. Том 1 / E. Fest — «Автор», 2026

Мраморный пол залит кровью отца, а над головой уже занесен ятаган убийцы. Именно в этот момент Данабек, учитель из XXI века, приходит в себя в теле юного купца Тимура на опасных улицах османской Галаты. Времени на панику нет — семью ждет разорение от рук алчного Искендер-паши, а верных слуг — рабство на галерах. Но враги не учли одного: в теле «книжного червя» теперь живет боец с современным мышлением, стальным характером и холодным расчетом. Тимур решает вернуться на родину, в Великую Степь. И он не поедет с пустыми руками. Пустив в ход кулаки, хитрость и шантаж, он вербует опального венецианского мастера-оружейника. Спрятав чертежи и детали европейских мушкетов под тонким бурсинским шелком, караван отправляется в древний Сыгнак. Враги думают, что он бежит от долгов. Они не знают, что он везет на родину огонь и сталь, которые навсегда изменят историю Степи.

© Fest E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

East Fest

Оружейник Великой Степи. Том 1

Название: Оружейник Великой Степи

Автор(-ы): East Fest

Ссылка: <https://author.today/work/573166>

Глава 1

Глава 1. Чужая кровь, чужие берега

Мраморный пол внутреннего двора стамбульского дома был скользким от крови. Запах благовоний смешался с резким металлическим запахом смерти. Тело отца, еще секунду назад властного купца, безжизненно лежало у фонтана. Наш герой, задыхаясь, стоял на коленях. Из его ослабевших рук только что выбили тяжелую саблю. Убийца, высокий янычар-отступник, криво усмехнулся и занес ятаган для смертельного удара.

Именно в эту долю секунды разум физрука из XXI века, словно разряд молнии, ворвался в чужое тело. Он открыл глаза. Страх не было — только холодные рефлексы бойца. Когда сталь блеснула в воздухе, тело само бросилось не назад, а *вперед*. Уход с линии атаки, блок предплечьем, и жесткий, акцентированный удар ребром ладони точно в кадык врага. Убийца с хрипом рухнул на мрамор. Герой тяжело задыхался, инстинктивно перехватывая упавшую саблю. Разум кричал: «Где я?!», но руки, благодаря мышечной памяти прежнего хозяина тела, уже привычно и крепко сжимали рукоять османского клинка. В голове начали вспыхивать чужие воспоминания: Стамбул, караваны, долги и... Сыгнак.

После похорон отца стамбульский дом погрузился в давящую тишину. Тимур сидел на ковре у остывшего очага, невидящим взглядом глядя на тлеющие угли. Его тело колотила мелкая дрожь. Это была чужая, но невероятно острая боль — юный купец внутри него кричал от потери родного человека. Данабек не подавлял эти чувства. Он позволил телу плакать.

Впервые с момента переноса у него появилось время осознать собственный ужас. «*Я больше никогда её не увижу*», — пронеслась в голове мысль о дочери. Данабек вспомнил её смех, как она бежала к нему навстречу по выходным в их любимом парке. Теперь между ними лежали века непреодолимой пустоты. Тяжесть двойного горя навалилась на грудь. Рука по старой, многолетней привычке потянулась к карману за сигаретами. Пальцы нащупали лишь плотный шелк халата. Никотиновый голод, смешанный со стрессом, скрутил внутренности.

Скрипнула тяжелая резная дверь. В комнату тяжело вошел Касым — старый караван-баши, служивший их семье долгие годы. Его левое плечо было туго перетянато окровавленной тканью после утреннего нападения.

— Мырза... — хрипло начал старик, опускаясь на одно колено. В его глазах стоял страх, которого он раньше никогда не показывал. — Люди в панике. Поговаривают, что убийц нанял Искендер-паша, которому твой отец задолжал за последнюю партию шелка. Завтра они придут описывать наш товар, а нас самих продадут на галеры. Что нам делать, Тимур? Мы как овцы, окруженные волками.

Данабек закрыл глаза. Он вспомнил свои школьные уроки, где учил детей не только датам, но и тому, как строились великие империи: через кровь, сталь и непреклонную волю. Он открыл глаза. В них больше не было слез испуганного юноши. Только холодный расчет взрослого мужчины.

— Волки режут овец, Касым, но они боятся огня, — ровным, властным голосом произнес Тимур. Старый слуга вздрогнул — он никогда не слышал у молодого хозяина такого стального тона. — Собери людей во дворе. Выдайте раненым двойное жалованье из того тайника, что отец прятал под половицами. Никто не пойдет на галеры. Мы возвращаемся в Степь. Но сначала я куплю нам клыки, чтобы перегрызть глотку любому, кто встанет на пути.

Тем временем в роскошном дворце Искендер-паша, изнеженный молодой наследник, лениво перебирал янтарные четки. — Слухи об убийстве старого Абдуллаха уже поползли по базару, мой господин, — хмуро доложил Юсуф, седой десятник стражи, стоя у дверей. — Люди шепчутся, что это ваших рук дело. Искендер презрительно фыркнул, отправляя в рот кусок рахат-лукума: — Какие слухи, Юсуф? Все знают, что степняк пал жертвой ночных грабителей.

Обычное дело в Галате. Я приказал напасть ночью именно для того, чтобы отвести подозрения от нашей семьи. К тому же, я думал, что дело решится проще. Сын Абдуллаха — изнеженный щенок, книжный червь, у которого нет ни связей в Диване, ни духа, чтобы вести дела в городе. Я был уверен, что он в панике сбежит, бросив весь шелк на радость нам. Кто же знал, что этот сопляк вдруг научился махать кулаками и выжил? Завтра на рассвете иди к нему во двор. Забери всё имущество за долги. И если он пискнет — брось его в темницу.

Тем же вечером Тимур отправился в европейский квартал. Узкие улочки Галаты смердели рыбой и кислым вином. Тимур шел уверенным шагом, хотя внутри всё кипело. Голова раскальвалась. Данабек отдал бы сейчас мешок золота за одну обычную сигарету, но вместо этого приходилось жевать горькую гвоздику, чтобы хоть как-то обмануть организм. В полутемной таверне, вдали от чужих глаз, его ждал Маттео — бывший венецианский аркебузир, а ныне контрабандист.

Итальянец усмехнулся, увидев молодого купца: — Я слышал, твой отец мертв, степняк. Зачем тебе я? Хочешь купить пару клинков для мести? Тимур сел напротив, положив тяжелые руки на стол. Взгляд историка и хладнокровие бойца заставили улыбку Маттео медленно сползти с лица. — Мне не нужны клинки, Маттео. Мне нужны чертежи колесцовых замков, фитильные мушкеты и человек, который умеет лить бронзовые стволы. Мы едем в Сыгнак.

Маттео расхохотался, обнажив гнилые зубы: — Сыгнак? Это где? На краю земли, где пасут баранов? Я венецианец, степняк! Я не променяю Галату на юрту, даже если ты осыпешь меня золотом. Ищи дурака в другом месте. Тимур подался вперед. Никотиновый голод делал его безжалостным. — Ты променяешь, Маттео. Потому что через три дня в эту таверну нагрянут султанские ищейки. Я знаю, что ты продал партию испанских аркебуз персам-сефевидам. Лицо итальянца побледнело. — Откуда... — На базаре есть глаза, а у моего покойного отца были уши, — холодно соврал Тимур, используя свои знания как учителя истории о тайных конфликтах той эпохи. — Если я сейчас выйду и шепну пару слов патрулю янычар, твою голову посадят на пику у ворот Топкапы. А в Сыгнаке ты будешь не загнанной крысой, а главным оружейником хана. У тебя будет своя кузница, монополия и уважение. Выбирай: плаха здесь или богатство там. Маттео тяжело сглотнул, злобно сверкнув глазами. — Ты демон, а не купец. Ладно. Я соберу чертежи.

Ранним утром следующего дня двор стамбульского дома утопал в густом тумане. Телеги с двойным дном спешно заполняли тюками с шелком, под которыми покоились разобранные мушкеты Маттео. Данабек, в теле молодого Тимура, лично проверял упряжь, когда тяжелые дубовые ворота содрогнулись от мощных ударов.

Касым схватился за саблю, но Тимур жестом остановил его и сам открыл засов. Во двор вошли вооруженные стражники. Во главе стоял тот самый Юсуф. — Твое время вышло, Тимур, — глухо произнес Юсуф, оглядывая нагруженные телеги. — Молодой Искендер-паша вступил в права наследства. Как и ты, он хочет показать зубы тем, кто сомневается в его силе после смерти отца. Твои долги — отличный повод пополнить его казну. У меня приказ конфисковать всё имущество и заковать тебя в цепи.

Тимур не дрогнул. Он смотрел прямо в глаза старому воину, чувствуя, как внутри натягивается струна адреналина: — Наши отцы не пили из одной чаши, Юсуф. Но они вели дела честно. Мой отец никогда бы не оставил долг непоплатенным, если бы не этот предательский клинок в спину. Юсуф долго молчал. Его рука лежала на эфесе сабли. Стражники за его спиной напряглись. — Твой отец не был мне другом, — наконец произнес Юсуф, понизив голос, — но пять лет назад, когда в Галате свирепствовала чума, он бесплатно отдал моей семье телегу чистого зерна. Искендер-паша молод и горяч, он не понимает, что такое долг памяти. А я понимаю.

Десятник демонстративно отвернулся от телег и посмотрел на восток, где небо только начинало светлеть. — Мои люди устали. Мы пойдем в чайхану на соседней улице и будем пить

крепкий кофе. Ровно один час, до первого луча солнца. Если, вернувшись, я застаю здесь хотя бы одну живую душу — я выполню приказ паши. Юсуф махнул рукой, и стража покинула двор. Тимур глубоко выдохнул, чувствуя, как бешено бьется сердце. — Вы слышали его! — рявкнул он на своих людей, включая навыки физрука. — У нас ровно час, чтобы раствориться в этом тумане. Живо!

Спустя час у городских ворот их ждало последнее препятствие. Дорогу каравану преградили скрещенные копыя стражи. — Снимай тряпку, купец! — рявкнул начальник караула, подходя к первой телеге. — Будем досматривать товар до дна. — Нельзя, — твердо ответил Тимур, вставая между стражником и повозкой. — Там редкие красящие порошки и тончайший сырец из Бурсы. Утренняя сырость Босфора мгновенно испортит товар, а султанские печати будут сорваны. Мои убытки я запишу на твое имя, ага. — Мне плевать на твои печати! — ухмыльнулся стражник, кладя руку на саблю. — У нас строгий приказ проверять все караваны из-за контрабанды оружия к сефевидам. Открывай, или я сам вспорю тюки!

Тимур лихорадочно соображал, как избежать кровопролития, которое неминуемо раскроет их груз. В этот момент его взгляд упал на открытый шатер таможни. Там на подушках сидел начальник таможни Осман-ага, кривясь от боли. Каждое движение отдавалось прострелом в пояснице. Местные хакимы лишь разводили руками, прикладывая пиявок. Тимур, оставив стражника, шагнул в шатер. В прошлой жизни Данабек часто видел такое у тяжелоатлетов — классическое смещение позвонков и защемление нерва.

— Я могу убрать боль, ага, — спокойно сказал Тимур, игнорируя возмущенные взгляды бросившейся за ним стражи. — Но взамен мои повозки пройдут без досмотра. Осман-ага, уставший от мучений, махнул рукой. Тимур подошел, приказал чиновнику лечь на жесткий ковер и жестко, но выверенно надавил коленом и руками на нужные точки. Раздался громкий хруст. Стража выхватила сабли, решив, что купцу сломали спину, но Осман-ага вдруг глубоко вдохнул. Лицо его расслабилось. Боль, мучившая его неделями, ушла без следа. Эйфория на мгновение затуманила его разум, но затем многолетний опыт таможенника взял верх. Он медленно сел, внимательно глядя на молодого купца.

— Ты сотворил чудо, степняк, — тихо произнес Осман-ага, жестом отсылая стражу за пределы шатра. — Но моя спина теперь прямая, а вот глаза видят так же остро. Я знаю, как скрипят оси под простым шелком, и как они стонут под тяжестью железа. Что на самом деле в твоих повозках? Ты везешь оружие кызылбашам? Вооружаешь врагов султана?

В воздухе повисло тяжелое молчание. Одно неверное слово — и ни спасение от боли, ни взятки не помогут. Данабек посмотрел в глаза старому турку. Он знал, что на Востоке клятва на крови и памяти предков значит больше, чем любые бумаги.

— Мой путь лежит на восток, ага. Но гораздо дальше земель персов, — твердо, не отводя взгляда, ответил Тимур. Указав на воротник своего халата, разорванный в утренней схватке с убийцей, он добавил: — Я еду домой, в Великую Степь. Клянусь памятью моего убитого отца и хлебом, который мы с тобой делим под этим небом: то, что скрыто в моих повозках, никогда не прольет османскую кровь. Это клыки, чтобы защитить мой дом, а не для того, чтобы кусать ваш.

Осман-ага долго смотрел в глаза Тимуру, ища в них ложь. Не найдя ничего, кроме стали и искренности, старый таможенник медленно кивнул.

— Клятва на крови отца — тяжелая ноша, Тимур, сын Абдуллаха. Смотри, не споткнись под ней. Он с размаху ударил печатью по пергаменту. — Твои повозки чисты. Проезжай, пока я не передумал. Да хранит тебя Аллах на твоём пути.

Снаружи Маттео, наблюдая, как тяжелые телеги с двойным дном, где были спрятаны чертежи и детали мушкетов, выезжают за ворота Стамбула, лишь уважительно покачал головой.

Глава 2

Глава 2. Пыль Анатолии и старые долги

Мерное покачивание в седле убаюкивало, но Тимур не позволял себе расслабляться. Караван покинул пределы влажного, пахнувшего морем Стамбула пять дней назад, углубившись в засушливые, выжженные солнцем нагорья Анатолии. Дорога была тяжелой. Мелкая белесая пыль скрипела на зубах, забивалась в нос и складки одежды. Днем солнце нещадно палило, раскаляя металлические бляхи на сбруе до состояния утюга, а по ночам ледяной ветер со стороны гор пробирал до самых костей, заставляя кутаться в толстые шерстяные плащи.

Данабек постепенно свикался со своим новым телом. Юный купец был неплохо сложен от природы, молод и здоров, но ему катастрофически не хватало выносливости и мышечного корсета. Разум учителя физкультуры, привыкший к регулярным кроссам и спортзалу, не мог мириться с этой физической ленью. Поэтому каждое утро, едва небо на востоке начинало сереть, Тимур спрыгивал с кошмы и начинал тренировку.

Он начал с малого: жесткая суставная растяжка, дыхательные упражнения и «бой с тенью», где вместо привычной гимнастической палки или гантелей он использовал тяжелую османскую саблю. Охранники каравана, суровые наемники, повидавшие не одну битву, сначала откровенно посмеивались, глядя на странные, лишённые привычной рубленой эстетики телодвижения молодого хозяина. Но смешки быстро прекратились на третий день пути. Во время вечернего привала один из десятников, здоровяк по имени Хасан, решил в шутку проверить «танцора». Тимур вызов принял. Хасан бросился на него, как разъяренный бык, рассчитывая задавить массой, но Данабек, используя законы биомеханики и обычное борцовское айкидо из XXI века, просто ушел с линии атаки. Он пропустил тушу наемника мимо себя, сделал резкую подсечку под опорную ногу и добавил короткий удар локтем в основание шеи. Хасан рухнул в пыль так тяжело, что зазвенела посуда у костра. Тимур даже не запыхался. С того вечера по утрам вместе с ним угрюмо, но старательно разминалась половина каравана.

Старый Касым ехал рядом, задумчиво поглаживая седую бороду и покачиваясь в такт шагам своего гнедого жеребца. — Ты изменился, мырза, — наконец произнес он, глядя, как Тимур привычно жует горькую веточку гвоздики, безуспешно пытающуюся заменить ему утреннюю сигарету. — Раньше ты прятался от солнца под навесом повозки, пил сладкий шербет и читал персидские стихи о любви. А теперь строишь людей, проверяешь подковы у лошадей, считаешь порции воды и выставляешь ночные дозоры так, словно мы идем на войну, а не на базар. Твой отец гордился бы тобой. Наконец-то в тебе проснулась кровь предков.

— Мы и идем на войну, Касым, просто она еще не началась, — мрачно ответил Тимур, выплевывая изжеванную ветку.

Его знания истории кричали об опасности, надвигающейся на его родину. На дворе стояла вторая половина XVI века. Казахское ханство раздирали внутренние междоусобицы и борьба за власть. С юга давили шейбаниды, стремящиеся откусить плодородные земли у Сырдарьи, а с востока, в глубине Азии, уже зрела страшная угроза будущих джунгарских нашествий. Степь была сильна своей непобедимой конницей, но эта конница была абсолютно бессильна против надвигающейся эры пороха. Данабек прекрасно помнил из учебников: если они не привезут в Сыгнак огнестрельное оружие, не наладят свое производство, через какое-то время степь просто умоется кровью, не в силах противостоять залпам мушкетов.

Из едущей позади тяжелой телеги с двойным дном раздался громкий стон, сопровождаемый отборной итальянской руганью. Маттео высунул из-под брезента всклокоченную голову. Его некогда щеголеватое лицо было серым от дорожной пыли, а под глазами залегли глубокие тени. — Мадонна миа! — простонал венецианец, держась за отбитые бока. — Эти телеги делали для пыток грешников в девятом круге ада! Умоляю, скажи, что в следующем городе

будет нормальная таверна с густым вином, жареным мясом и мягкими девками. Я не доживу до твоей хваленной степи. У меня все кости стали пылью! — Терпи, Маттео, — усмехнулся Тимур. — В степи ты будешь пить кумыс. Это перебродившее кобылье молоко. Он либо делает из тебя мужчину, либо убьет в первый же день. Как продвигается сборка? Ты не зря ел мой хлеб эти пять дней?

Маттео недовольно цокнул языком, но его глаза мгновенно заблестели профессиональным азартом мастера. Он нырнул обратно под брезент, послышался лязг металла, и через секунду венецианец высунул руку, в которой тускло блеснул на солнце массивный пистолет с колесцовым замком. Вставки из орехового дерева идеально гармонировали с вороненой сталью. — Механизм идеален, как швейцарские часы, — гордо заявил оружейник. — Я собрал три штуки из тех деталей, что мы спрятали под бурсинским шелком на самом дне. Порох сухой, пули отлиты по мерке. Миланская сталь, нюрнбергские замки! Но учти, мырза, это дорогие игрушки для знати и рейтаров. Они часто дают осечку от грязи. Если ты хочешь вооружить армию и побеждать в поле, нам понадобятся сотни простых фитильных мушкетов, а не эти сложные штуковины. — Для армии — да. А для нас с тобой сейчас хватит и игрушек, — кивнул Тимур, подъезжая ближе и забирая один заряженный пистолет. Оружие было тяжелым, непривычным балансом оттягивало руку, но дарило чувство спокойствия. Данабек проверил колесико, убедился, что курок с кремнем отведен правильно, и спрятал оружие за широкий кушак халата.

На седьмой день пути пейзаж изменился. Равнина сменилась холмами, а дорога сузилась, превратившись в каменистое ущелье, стиснутое с двух сторон отвесными рыжими скалами. Это было классическое, идеальное место для засады, и чутье Данабека, отточенное не в боях, но в понимании тактики, взвыло сиреной. Он поднял руку, останавливая мерный ход каравана. — Касым, сколько людей у нас с арбалетами? — тихо спросил он, вглядываясь в дрожащий над камнями воздух. — Пятеро, мырза. Остальные с саблями и копьями. — Направьте болты на гребень ущелья. И пусть никто не спешивается.

Не успел Касым отдать приказ, как интуиция Тимура оправдала себя. Из-за крупных валунов, перекрывая выход из ущелья, выехали всадники. Их было около двадцати. Оборванные, грязные, но на хороших конях и отлично вооруженные — джелали, местные дезертиры и разбойники, промышлявшие грабежом на торговых трактах Анатолии. Вперед выехал их главарь, здоровый детина с изуродованным шрамом лицом и засаленной чалмой. — Хвала Аллаху, пославшему нам столь богатый дар в этот знойный день! — прокричал он дурным голосом, поигрывая длинным копьём. — Оставьте повозки, оружие и всех лошадей! Раздевайтесь до исподнего и идите пешком обратно, и мы позволим вам уйти живыми!

Охранники каравана напряглись. Численный перевес был явно не на их стороне, да и позиция в низине играла против них. Касым привычно потянулся к кошельку на поясе — старый караванбаша знал, что иногда дешевле откупиться золотом от таких стервятников, чем терять опытных людей. — Мырза, — шепнул старик, наклонившись к Тимуру. — Лучше отдать им два тюка шелка и кошель серебра. Их слишком много, нас зажмут у камней.

Но Тимур отрицательно покачал головой. Его лицо ничего не выражало. Он тронул коня шпорами и выехал вперед, остановившись всего в десяти шагах от главаря разбойников. — Шелк останется в повозках. Как и моя одежда, — громко, чтобы эхо отразилось от скал, произнес Тимур. — А вы прямо сейчас развернете своих лошадей и исчезнете в той дыре, откуда выползли. Иначе я заставлю эти камни извергнуть гром, который сожрет ваши души.

Главарь расхохотался, обнажив гнилые зубы. За ним заржали и остальные бандиты, предвкушая легкую резню. — Гром? Ты перегрелся на солнце, безумный мальчишка! — он поднял копьё, готовясь махнуть им и отдать приказ к атаке. — Убейте его первым, а остальных в распыл!

Тимур не стал ждать, пока копье опустится. Его правая рука молниеносно выхватила из-за кушака колесцовый пистолет Маттео. Никто из разбойников никогда не видел такого компактного огнестрельного оружия — они знали лишь громоздкие аркебузы янычар, требующие сошек и долгой возни с тлеющим фитилем. Большой палец Данабека нажал на спуск. Пружина сработала, рифленое колесико крутнулось, высекая искры из пирита. Грохот.

В узком каменном мешке ущелья выстрел прозвучал оглушительно, словно настоящий удар молнии. Облако густого, едкого белого дыма окутало Тимура. Свинцовая пуля, выпущенная почти в упор, разнесла половину головы коню главаря. Огромное животное с пронзительным, булькающим визгом рухнуло на камни, всем своим весом придавив ногу всадника. Послышался влажный хруст ломающихся костей и истошный вопль.

Остальные разбойники в ужасе замерли. Их лошади встали на дыбы, напуганные неестественным звуком и резким запахом сгоревшей серы. Тимур медленно, сквозь рассеивающийся сизый дым, достал из-за пояса второй, точно такой же заряженный пистолет, и небрежно направил его на онемевших бандитов. — Следующий гром ударит в ваши головы, — ледяным тоном произнес он. — Вон отсюда.

Паника сделала свое дело. Считая, что перед ними могущественный колдун, способный извергать огонь из голых рук, джеляли развернули коней и, давя друг друга, бросились наутек, оставив своего главаря истекать кровью под тушей мертвого коня. Караван застыл в гробовой тишине. Охранники смотрели на своего молодого хозяина с суеверным трепетом и нарастающим, фанатичным уважением.

Маттео, наблюдавший за всем из-за телеги, лишь довольно хмыкнул. — Я же говорил, мырза! Пять дней сборки в тряске стоили этого зрелища.

Тимур спрыгнул с коня и неспешно подошел к главарю бандитов. Здоровяк хрипел, пуская кровавые пузыри и безуспешно пытаясь вырвать раздробленную ногу из-под крупа мертвой лошади. Увидев над собой Тимура, он в ужасе зажмурился. — Ты... ты шайтан, а не купец... — выплюнул бандит. — В этой части ущелья нет торговых путей, — холодно констатировал Тимур, присев на корточки и приставив горячий ствол ко лбу разбойника. — А для случайной засады вы слишком уверенно перекрыли выход и ждали именно нас. Кто вас навел?

Главарь упрямо сжал челюсти. Тимур взвел пружину замка. Зловещий щелчок эхом отразился от скал. — Стой! — в отчаянии выкрикнул здоровяк. — Голубь! К нам в лагерь близ Ангоры прилетел почтовый голубь с запиской! — От кого? — От стражника с таможни в Галате! Он написал, что старый Абдуллах мертв, а его глупый щенок бежит из Стамбула. Написал, что ваши повозки скрипят так, будто набиты золотом и тяжелым железом, а охраны почти нет. Мы должны были перерезать вам глотки и отдать стражнику треть добычи, когда он придет в Ангору с патрулем!

Данабек мысленно выругался. Осман-ага сдержал свою клятву, но его люди оказались алчными шакалами. Это был жестокий, но крайне полезный урок: в этом времени нельзя расслабляться ни на секунду. Оставив воющего главаря на растерзание горным волкам, караван ускорил шаг.

К вечеру девятого дня пути перед ними выросли мощные каменные стены Ангоры (нынешней Анкары). Город, стоящий на пересечении древних торговых путей, славился своей шерстью и бурлил, как растревоженный муравейник. Пыль здесь стояла столбом, смешиваясь с запахами жареной баранины, свежего навоза, специй и немых тел.

На городских воротах стража попыталась было досмотреть их странно тяжелые телеги, но Тимур молча сунул под нос сотнику пергамент с личной печатью Османа-аги из Галаты. Увидев печать влиятельного столичного чиновника, местная стража моментально потеряла интерес к досмотру, лишь взяв стандартную пошлину за въезд.

Они остановились в крупном караван-сарае в районе ремесленников. Загнав телеги во внутренний охраняемый двор и расставив своих людей по периметру, Тимур собрал «воен-

ный совет» в снятой комнате. — Дальше по суше идти безумие, — сказал Касым, расстилая на низком столике потертую карту. — На востоке Анатолии неспокойно, там орудуют крупные банды, а дальше границы персов-сефевидов. Нас с таким грузом не пропустят. — Значит, пойдем по морю, — решил Тимур, водя пальцем по карте. — Нам нужно добраться до северного побережья, до Синопа или Самсуна. Оттуда найдем корабль через Черное море в Крым, в Каффу. Из Крыма уйдем в Астраханское ханство, затем через степи Ногайской Орды — и напрямик домой, в Сыгнак.

Маттео побледнел. — Черное море? В сезон осенних штормов? Да мы пойдем на дно вместе с моими мушкетерами! И кто в здравом уме согласится взять на борт столько железа без султанских бумаг? — Контрабандисты согласятся, — спокойно ответил Тимур. — Касым, где в этом городе можно найти капитанов, которые ходят в Крым и не задают лишних вопросов?

Касым пожевал губы. — Есть одно место, мырза. Таверна «Слепой бык» в нижнем квартале. Там собирается всякий сброд: генуэзцы, крымские татары, наемники. Но туда опасно соваться с наступлением темноты.

Тимур проверил заряд в пистолете и поправил саблю. — Маттео, пойдешь со мной. Будешь оценивать мореходные качества капитана. Касым, остаешься здесь, охраняешь груз. Головой отвечаешь.

Таверна «Слепой бык» полностью оправдывала свое название. Внутри царил полумрак, густо замешанный на дыме от жаровен, запахе дешевого кислого вина, чеснока и пота. Публика была под стать: угрюмые бородатые лица, шрамы, крючковатые носы, разномастное оружие на поясах. Появление богато одетого юноши и венецианца вызвало недобрые взгляды, но Тимур, игнорируя их, уверенно прошел к стойке и бросил хозяину серебряную монету.

Через несколько минут их подвели к угловому столу, где в одиночестве глушил вино сухопарый мужчина с хищным профилем и глубоким шрамом, пересекающим правый глаз. На нем была потертая кожаная куртка, а на столе лежала татарская сабля. — Ищите корабль? — хрипло спросил капитан, не предлагая им сесть. — Я Ильяс. Моя шебека «Морская лисица» стоит в Синопе. Но я не вожу паломников и трусов. — Нам нужно в Кефе. И мы повезем тяжелый груз. Очень тяжелый, — ответил Тимур, садясь напротив. — Никаких вопросов, никаких досмотров султанской таможни. Я плачу вдвое больше обычного фрахта. Половина золотом сейчас, половина — когда якорь коснется крымского берега.

Глаза Ильяса сузились. Он оценивающе посмотрел на молодого купца, затем на нервно озирающегося венецианца. — Железо? — тихо спросил капитан. — Не твое дело, — отрезал Тимур. — Берешься или я ищу другого?

Ильяс усмехнулся, обнажив крепкие зубы, и уже протянул руку, чтобы ударить по рукам, как вдруг входная дверь таверны с грохотом распахнулась. В помещение ввалилась группа из шестерых вооруженных людей в кольчугах. Тимур мгновенно узнал в их предводителе стражника с таможни Галаты — того самого, чье письмо они перехватили у разбойников. Видимо, не дождавшись своей доли от бандитов, коррумпированные стражники сами прискакали в Ангору по их следу.

— А вот и наш сладкий степной барашек! — радостно оскалился стражник, выхватывая ятаган. Посетители таверны с руганью начали отодвигаться к стенам, не желая лезть в чужие разборки. — Ты думал, что сможешь обмануть нас, щенок? Я вспорю тебе брюхо и заберу твои повозки прямо из караван-сарая!

Тимур даже не встал со стула. Он лишь тяжело вздохнул, понимая, что дипломатия здесь уже не поможет. — Маттео, не стой столбом, — спокойно сказал он.

Стражник бросился вперед, занося клинок. Тимур резко пнул тяжелый дубовый стол снизу вверх. Столешница с грохотом ударила нападающего по коленям, заставив его споткнуться. В ту же секунду Данабек вскочил. Он не стал выхватывать саблю — в тесном пространстве таверны длинный клинок был бесполезен. Вместо этого он шагнул навстречу пада-

ющему стражнику, перехватил его вооруженную руку за запястье и, используя инерцию врага, провел классический бросок через бедро. Стражник с хрустом впечатался позвоночником в каменный пол.

Двое других бросились на Тимура с боков. Учитель физкультуры, чье тело было полно адреналина, действовал на чистых рефлексах. Он схватил тяжелую глиняную кружку с вином со стола Ильяса и разбил ее о лицо первого нападающего. Второй успел сделать выпад кинжалом, но лезвие лишь вскользь полоснуло Тимура по предплечью. Данабек поморщился от жгучей боли, но свободной рукой нанес жесткий, короткий удар основанием ладони в подбородок врага. Голова стражника запрокинулась, и он рухнул как подкошенный.

Оставшиеся трое замешкались, увидев, как быстро их товарищи оказались на полу. Этой секунды хватило Маттео. Венецианец, не долго думая, выхватил свой пистолет и нажал на спуск. В замкнутом помещении таверны выстрел прозвучал как пушечный залп. Пуля пробила плечо одного из нападающих, разорвав кольчугу. Запахло порохом и кровью.

Оглушенные грохотом и испуганные невиданным оружием, последние двое стражников побросали ятаганы и бросились вон из таверны, растворяясь в ночных переулках Ангоры.

В таверне повисла тяжелая тишина. Лишь стонали раненые на полу. Тимур, тяжело дыша, перешагнул через бесчувственное тело главаря стражников, подобрал оброненный ятаган и посмотрел на капитана Ильяса. Крымский татарин, не сдвинувшийся с места во время драки, лишь спокойно допил остатки вина из своей чаши, не пострадавшей при перевороте стола.

— Броски без сабли... Громобойные трубки... С тобой весело, купец, — усмехнулся капитан, вставая и поправляя пояс. — Я берусь за это дело. Моя цена — триста золотых дукатов. Мы выезжаем в Синоп завтра на рассвете. И советую не опаздывать — я не люблю ждать, особенно когда пахнет неприятностями.

Тимур вытер кровь с предплечья рукавом халата и кивнул. — Завтра на рассвете. Мы будем.

Путь в Великую Степь только начинался, и он уже был обильно полит кровью. Но Данабек знал: чтобы изменить историю, ему придется стать еще жестче.

Глава 3

Глава 3. Черные воды и берег невольников

Переход через Понтийские горы выжал из каравана последние силы. Узкие тропы, холодные пронизывающие ветра и постоянное ожидание погони из Ангоры заставляли Тимура гнать людей и лошадей почти без отдыха. Лишь когда в воздухе резко запахло солью, йодом и гниющими водорослями, Данабек позволил себе с облегчением выдохнуть. Впереди, в серой дымке раннего утра, показался Синоп — древний портовый город, раскинувшийся на узком полуострове.

Черное море встретило их свинцово-серыми волнами. В порту кипела жизнь: скрипели снасти, кричали чайки и надсмотрщики, пахло смолой, жареной рыбой и мокрым деревом. Капитан Ильяс ждал их на пирсе. Его шебека «Морская лисица» — узкое, хищное судно с тремя мачтами и косыми латинскими парусами — покачивалась на воде, словно гончая перед прыжком. Это был корабль, созданный для скорости и контрабанды, способный идти как под парусом, так и на веслах в случае штиля.

Проблемы начались при погрузке. Грузчики-лазы, привыкшие таскать тяжести, начали глухо роптать, когда попытались поднять телеги с «бурсинским шелком» с помощью портовых лебедек. Канаты натянулись до предела, зловеще потрескивая. — Твой шелк что, соткан из свинца, степняк? — нахмурился Ильяс, глядя, как корабль заметно оседает в воду при погрузке очередной партии тюков. — У шебеки мелкая осадка. Если мы перегрузим трюм, первая же хорошая волна перевернет нас вверх килем.

Тимур подошел вплотную к капитану и вложил ему в руку тяжелый кожаный мешочек. Звон золота на мгновение заглушил крики чаек. — Распредели груз по самому дну, вдоль киля, для балласта, — тихо, но властно произнес Данабек, используя свои знания физики. — Центр тяжести будет ниже, остойчивость судна повысится. А если таможенный смотритель начнет задавать вопросы, отдай ему вот это.

Тимур протянул Ильясу второй кошель, поменьше. Капитан взвесил золото на ладони, его единственный глаз хищно блеснул. Он больше не задавал вопросов, хотя теперь точно знал, что в тюках спрятано железо. Много железа.

Через два часа, когда береговая стража, получив щедрую взятку, отвернулась в сторону, «Морская лисица» подняла паруса и вышла в открытое море. Курс лежал на север, к берегам Крымского ханства.

Первые сутки пути прошли на удивление спокойно. Дул попутный ветер, и судно легко резало волны. Но для Маттео этот день стал началом персонального ада. Венецианец, оказавшись на открытой воде, позеленел, сник и теперь лежал на свернутых канатах у борта, периодически опустошая желудок в волны. — Мадонна миа... — слабо стонал оружейник, держась за живот. — Я плавал по Адриатике, но это море... оно проклято... Оно вытянет из меня всю душу! — Пей воду с лимоном и жуй сухари, — бросил проходящий мимо Тимур, чувствуя себя на удивление бодро. Видимо, вестибулярный аппарат молодого степняка оказался крепче итальянского. — Нам нужны твои руки, когда мы сойдем на берег.

Но к вечеру второго дня небо потемнело. Ветер резко сменил направление и превратился в рваный, воющий шквал. Черное море, знаменитое своими осенними штормами, показало свой истинный нрав. Волны выросли до размеров двухэтажных домов, с грохотом обрушиваясь на палубу. Шебеку швыряло из стороны в сторону, как щепку. Матросы Ильяса, поминая Аллаха, носились по снастям, убирая паруса.

Внезапно снизу, из трюма, раздался глухой, ритмичный стук, от которого палуба под ногами содрогнулась. Тимур и Ильяс переглянулись. — Крепления! — заорал капитан сквозь

рев ветра. — Твой тяжелый груз оборвал канаты! Если ящики пробьют борт или скатятся на один край — мы перевернемся!

Данабек не раздумывал ни секунды. — Касым! За мной! — крикнул он, хватая фонарь с крюка.

Спустившись в крошечную тьму трюма, где воняло трюмной водой и крысами, они увидели страшную картину. Две огромные секции с разобранными мушкетными стволами сорвались с деревянных клетей. С каждым креном судна многосотенные связки железа скользили по мокрым доскам от борта к борту, с сокрушительной силой ударяясь о шпангоуты. Еще пара таких ударов — и дубовые доски обшивки не выдержат.

Матросы в панике жались к лестнице, боясь сунуться в мясорубку. — Нужно зажать их в центре! — закричал Тимур, перекрывая грохот. Мозг учителя моментально просчитал векторы движения. — Не пытайтесь остановить их руками — переломает кости! Несите багры, толстые доски и мотки запасных канатов! Мы сделаем клинья!

Когда корабль накренился на правый борт и груз с грохотом пополз в их сторону, Тимур бросился вперед. — Давай! — рявкнул он Касыму.

Они использовали длинные деревянные багры как рычаги, уперев их в скользкие ящики и несущие балки корабля. Это было безумно тяжело. Дерево багров трещало, мышцы Данабека горели огнем, вены на лбу вздулись. Казалось, железо сейчас просто раздавит их всмятку. Но рычаг сработал — скорость ящиков снизилась. В этот момент подоспевшие матросы накинули на груз толстые канаты и с силой затянули их вокруг центральной мачты, забивая под ящики деревянные клинья. Они провозились в трюме по пояс в ледяной воде несколько часов, каждую секунду рискуя быть раздавленными. Когда изможденный, насквозь промокший, с содранными в кровь руками Тимур поднялся на палубу, шторм уже начал стихать. Ильяс, стоявший у румпеля, посмотрел на степняка совершенно другим взглядом. В нем больше не было пренебрежения бывалого моряка к сухопутному купцу. — Ты спас мой корабль, Тимур, — глухо сказал капитан. — Я твой должник.

К утру шторм сменился полным, мертвым штилем. Море стало гладким, как зеркало, покрытое густым, молочным туманом. Паруса безвольно повисли. Матросы сели за весла, но перегруженная тяжелым железом шебека ползла по воде едва ли быстрее черепахи.

Данабек стоял на носу, вглядываясь в серую пелену. Интуиция снова начала колотить затылок холодными иглами. Сквозь туман донесся ритмичный, хлопающий звук. Всплеск. Всплеск. Всплеск. Это был звук множества весел, бьющих по воде в идеальном, военном ритме.

— Галера! — истошно закричал впередсмотрящий с мачты.

Из тумана, словно призрак, вынырнуло длинное, низкое судно. Оно шло наперерез «Морской лисице». На мачте не было флага, а палуба чернела от вооруженных людей. Это были стервятники Черного моря — вольные добытчики, смесь беглых каторжников, пиратов и головорезов, промышлявших захватом невольников и грабежом. Увидев тяжело идущую шебеку, они почуяли легкую добычу. — На весла! Налегай! — заорал Ильяс, но тут же скрипнул зубами. — Не уйдем. Мы слишком тяжелые. Готовьтесь к бою! Сабли к бою!

Пиратская галера стремительно сближалась. Расстояние сократилось до полусотни метров. На носу галеры стояли мускулистые люди с абордажными кошками в руках. Касым вытащил саблю, его люди приготовили луки и арбалеты. Но их было втрое меньше, чем пиратов.

Тимур резко обернулся к зеленому от морской болезни итальянцу. — Маттео! Твой звездный час! Забудь про желудок, если хочешь, чтобы он остался внутри твоего живота! Пистолеты!

Венецианец, осознав перспективу быть проданным в рабство или зарубленным, мгновенно излечился от хандры. Они бросились к своим сундукам, извлекая завернутые в промасленную ткань колесцовые пистолеты. Пять стволов. Пороховницы, пули.

Раздался глухой удар — галера врезалась в борт шебеки. В воздух полетели железные крючья на канатах, цепляясь за фальшборт «Морской лисицы». — На abordаж! Режь их! — заорали на галере. Десятки оборванных головорезов с кривыми саблями полезли на борт шебеки.

Матросы Ильяса приготовились дорого продать свои жизни. Но Тимур не собирался рубиться на саблях. Он встал впереди, широко расставив ноги на качающейся палубе. В обеих руках он держал по пистолету. Справа от него встал Маттео с тремя заряженными стволами, готовый подавать их как оруженосец.

Первый пират перепрыгнул через борт, замахиваясь ятаганом, целясь в голову молодого купца. Данабек хладнокровно поднял правую руку. Бах! Ослепительная вспышка и грохот разорвали туман. Пуля ударила пирата прямо в грудь, сбросив его обратно в воду с пробитой навывлет грудиной. Тимур тут же поднял левую руку и выстрелил в следующего, кто закинул ногу на борт. Бах! Второй разбойник рухнул с раздробленным коленом, истошно вопя.

Тимур отбросил пустые пистолеты, и Маттео тут же вложил в его руки два свежих. Венецианец, оказавшись в своей стихии, сам поднял пятый ствол и выстрелил в группу пиратов, пытающихся затянуть abordажный канат. Грохот, едкий дым, запах серы и крови посеяли на галере тотальную панику. Пираты, привыкшие резать беззащитных купцов, не ожидали встретить огнестрельный заслон. Для них этот грохот был сродни магии или внезапному появлению янычарского корпуса.

— Руби канаты! — заорал Тимур Касыму. Старый караванбаши двумя ударами сабли перерубил натянутые веревки abordажных кошек. Пираты, потеряв запал и видя окровавленные трупы своих товарищей, поспешно оттолкнулись шестами. Галера, словно побитая собака, начала отступать, растворяясь в тумане под крики раненых.

На палубе «Морской лисицы» повисла звенящая тишина. Экипаж в шоке смотрел на Тимура, окруженного клубами порохового дыма. Ильяс медленно подошел к нему, глядя на дымящиеся стволы в руках итальянца. — Я думал, ты везешь железо для кузниц... — хрипло произнес капитан. — А ты везешь смерть. Кто ты такой, Тимур из Стамбула? Ни один простой купец не обладает таким оружием. Ты вооружаешь целую армию. — Я человек, который хочет, чтобы его дом остался независимым, капитан, — спокойно ответил Данабек, забирая пистолеты у Маттео. — Ты обещал не задавать вопросов. Ильяс кивнул. — И я сдержу слово. С тобой безопаснее дружить, степняк.

Спустя три дня на горизонте показались зубчатые крепостные стены Каффы (современной Феодосии) — главного порта Крымского ханства и крупнейшего невольничьего рынка во всем Черноморье.

Город давил своей мрачной энергетикой. В порту стояли десятки османских галер. На пристанях, закованные в цепи, сидели сотни людей — славяне, черкесы, валахи, захваченные крымскими татарами во время набегов на Дикое поле и Речь Посполитую. Их гнали сюда, чтобы продать на галеры или в гаремы Стамбула и Каира. Звон цепей, плач женщин и гортанные крики надсмотрщиков с плетью создавали симфонию человеческого горя.

Данабек смотрел на это с тяжелым сердцем. В XXI веке о таком читали лишь в учебниках, но здесь боль была осязаемой. Однако он понимал: он не может спасти всех. У него есть своя миссия, и судьба его собственного народа сейчас висит на волоске.

Расплатившись с Ильясом у пирса, Тимур отправил Касыма арендовать надежные склады в охраняемой части города. Им предстоял сложный сухопутный путь на восток. Вечером, сидя в шумном крымском караван-сараяе, Данабек слушал разговоры заезжих купцов и дервишей. И то, что он услышал, заставило его кровь похолодеть. Историк внутри него сложил кусочки мозаики, осознав весь масштаб катастрофы, в которую он направлялся.

Шел 1535 год от Рождества Христова. Его родина, Великая Степь, полыхала в огне междоусобиц. Золотой век Касым-хана, объединившего племена и создавшего законы, остался в

прошлом. После его смерти наследники передрались как пауки в банке. Тахир-хан, пытавшийся удержать власть, бесславно погиб на юге. Казахское ханство расколосось на враждующие аулы и улусы.

Воспользовавшись этой слабостью, с юга на степь обрушились шейбаниды. Могущественный Убайдулла-хан захватил цветущие города по Сырдарье. Сыгнак — родной город Тимура, жемчужина степи, куда они направлялись — сейчас был либо под осадой, либо уже в руках врага. А где-то в бескрайних степях Сарыарки скитался молодой и пока еще не набравший силу Хакназар, будущий собиратель казахских земель.

Астраханское ханство, через которое лежал их путь, тоже корчилося в конвульсиях. Его рвали на части набеги Ногайской Орды, а правители менялись каждый год в кровавых переворотках. Далеко на севере молодое Московское княжество еще только копило силы под властью матери малолетнего Ивана IV, но скоро и оно обратит свой взор на юг.

Тимур смотрел на танцующее пламя свечи. Он везет смертоносное оружие прямо в эпицентр гражданской войны и внешней интервенции. Это оружие может как спасти степь, позволив новому хану объединить разрозненные племена и отбросить врагов, так и окончательно утопить родину в крови, если попадет не в те руки.

— Мы идем прямо в пасть к дьяволу, Касым, — тихо произнес Тимур, когда старик вернулся со складов. — Степь расколота. Сыгнак в осаде. Нам понадобится армия наемников, чтобы просто пересечь владения ногайцев и не быть убитыми.

Он не знал, что в этот самый момент в темном углу караван-сарая за ним внимательно наблюдает человек в богатом лисьем малахае. Нукер одного из влиятельных крымских беев, чьи шпионы в порту уже донесли хозяину о странном купце, который отбил пиратскую галеру «громом и молниями», молча допил кумыс и растворился в ночи, спеша к своему господину. Слухи о громобойном железе летели впереди каравана.

Глава 4

Глава 4. Генуэзский гамбит

Кефе в 1535 году был Вавилоном Черноморья. Здесь, под сенью массивных башен консула, выстроенных из грубого серого камня, пересекались судьбы мира. На рыночных площадях гремела итальянская брань, перемежаясь с гортанным татарским наречием, греческим шепотом и криками арабских торговцев пряностями. Воздух был тяжелым, пропитанным запахом жареной баранины, конского пота, дорогого кофе и соленого морского бриза, который не мог выветрить стойкий дух невольничьих барачков.

Для Тимура этот город был гигантской шахматной доской. Он понимал: просто так уйти из Кефе с грузом мушкетов ему не дадут. Глаза и уши Крымского хана были везде.

Маттео стоял у окна их тесной комнаты на постоялом дворе «Золотой Рог», вцепившись побелевшими пальцами в подоконник. Снизу доносился ритмичный звон цепей — мимо прогоняли очередную партию «живого товара», захваченного в недавнем набеге на московские рубежи. Женщины в рваных рубахах, мужчины с потухшими глазами...

— Тимур, я не могу, — голос венецианца сорвался на хрип. — Я видел их лица. Вчера в портовой таверне я встретил Джузеппе... Мы вместе подмастерьями бегали по мастерским Мурано. Он теперь служит приказчиком у генуэзского консула. Он шепнул мне, что путь на восток — это самоубийство. Ногайцы вырежут нас ради коней, а если не они, то нас сожрет степная лихорадка.

Тимур медленно подошел со спины. Его фигура в простом кафтане казалась монолитной на фоне мечущегося итальянца.

— В Европе тебя ждет костер инквизиции или прозябание в долгах, Маттео. Здесь, в Кефе, ты — лишь еще один «франк», которого купят и перепродадут, когда политический ветер сменит направление. Но там, в Сыгнаке...

— В Сыгнаке меня ждет могила в песках! — Маттео резко обернулся, его лицо исказила гримаса ужаса. — Джузеппе предложил мне убежище в цитадели. Стены консульства толстые, там гарнизон с аркебузами. Султан не полезет туда из-за одного мастера. Я остаюсь, Тимур. Я верну тебе золото, клянусь Девой Марией, но я не хочу умирать в этой проклятой степи!

Данабек прищурился. Он знал, что за тонкой перегородкой, в коридоре, замерли «нукеры сопровождения», приставленные местным беем. Они ловили каждое слово. Пора было начинать игру.

— Ах ты, неблагодарная свинья! — взревел Тимур так, что задрожали стекла в рамах. Он схватил Маттео за грудки и с силой встряхнул. — Я вытащил тебя из сточной канавы Галаты! Я кормил тебя, поил и защищал от янычар! А теперь ты бежишь к своим вонючим генуэзцам, как побитая собака?

Он с силой толкнул итальянца, и тот, поняв намек (страх за собственную шкуру сделал из него великого актера), вылетел в коридор, едва не сбив с ног подслушивающих татар.

— Убирайся! — кричал Тимур ему вслед. — Забирай свои пустые свитки и проваливай! Трус мне в степи не нужен!

Маттео, прижимая к груди кожаный тубус, в котором лежали лишь чистые листы пергамента, бросился по лестнице вниз, к выходу на узкие улочки генуэзского квартала. Тимур же захлопнул дверь и тяжело опустился на сундук, переводя дух. Первый ход был сделан.

Аудиенция у Калга-султана

Дворец Калга-султана Мехмеда Гирея, наследника престола, располагался на возвышенности, откуда открывался вид на весь залив. Внутри царил прохлад, пахло розовой водой и тонким табаком. Султан, мужчина лет сорока с хищным профилем и тонкими, вечно насмешливыми губами, сидел на возвышении, перебирая янтарные четки.

— Мои люди говорят, твой мастер нашел приют у консула, — негромко произнес Мехмед Гирей, не глядя на Тимура. — Франки не отдают его. Они говорят, что он — их подданный. Это оскорбление, купец. Ты обещал мне секрет «грома», но принес только оправдания.

Тимур стоял, низко склонив голову, изображая глубочайшее смирение и ярость одновременно.

— О великий Калга! Мастер Маттео — безумец и предатель. Он испугался, что в твоих кузницах ему придется работать честно, а не воровать медь, как он делал в Стамбуле. Но он — всего лишь инструмент. Руки, которые куют металл.

Тимур сделал шаг вперед и коснулся своего лба.

— Знания здесь. И в тех книгах, что спрятаны в моих повозках. Мастер может собрать мушкет, но только я знаю секрет состава пороха, который не мокнет в тумане, и пропорции бронзы, которая не лопается при третьем выстреле.

Султан поднял глаза. В них блеснул интерес, смешанный с холодным расчетом.

— Франки хотят отправить его в Геную. Если секрет уйдет к ним, мои враги получают преимущество. Зачем мне отпускать тебя, если я могу просто забрать твои телеги и вырезать твой караван прямо за воротами?

— Потому что тогда ты получишь лишь груды железа и молчаливые свитки, которые никто не сможет прочесть, — спокойно ответил Тимур. — Мои записи зашифрованы. А в качестве доказательства моей преданности и залога...

Тимур подал знак Касыму. Старик внес в зал продолговатый ящик из красного дерева. Внутри, на черном бархате, лежали два тяжелых пистолета с колесцовыми замками — венецианская работа высшего класса, инкрустированная серебром.

— Это — личный подарок для тебя, султан. И еще десять мушкетов я оставляю в твоём арсенале вместе с чертежами механизмов. Пусть твои лучшие кузнецы изучают их.

Султан взял пистолет, ощутив его холодную тяжесть. Его пальцы коснулись рифленого колесика.

— А мастер?

— Мастер — это кость, которую я бросил генуэзцам. Пусть они тратят деньги на его охрану. Султан может надавить на консула торговыми запретами, и через месяц они сами принесут его голову или заставят работать на тебя. Но мне нужно идти. Мой товар ждут в Сыгнаке, и каждый день задержки — это убыток, который я не могу себе позволить.

Мехмед Гирей криво усмехнулся. План купца казался ему логичным: оставить залог, уйти от конфликта с генуэзцами и продолжить путь.

— Ты получишь охранную грамоту, купец Тимур. Мои нукеры проводят тебя до Перекопа. Но помни: если через месяц мои мастера не поймут, как работают эти трубки, или если я узнаю, что ты лгал... Моя рука длинная. Она достанет тебя и в степях Ногаев, и в самой Астрахани.

Ночной побег

Поздним вечером того же дня Тимур, закутанный в темный плащ, проскользнул в заднюю калитку генуэзской фактории. Его встретил Джузеппе — тот самый приказчик, чья верность теперь была прочно скреплена пятьюдесятью золотыми дукатами из зачатки Тимура.

В сыром подвале, освещенном одной сальной свечой, сидел Маттео. Он выглядел измученным, но в его глазах больше не было паники. Только решимость человека, который только что совершил самую крупную ставку в своей жизни.

— План в силе, — шепнул Тимур. — Султан думает, что ты под арестом у консула. Генуэзцы будут официально отрицать твое присутствие еще неделю, выигрывая время для «переговоров». Завтра на рассвете мой караван выходит из города. Мы пойдем через Перекоп по главной сакме. За нами будут следить, так что я не могу тебя забрать.

Он положил руку Маттео на колено.

— Через два дня Джузеппе посадит тебя на небольшую скампавею — быстроходную лодку. Вы пойдете вдоль берега Азовского моря, мимо Арабатской стрелки, прямо в устье Дона. Там, в Тане, в камышах, тебя будет ждать капитан Ильяс на своей шебеке. Помнишь его?

Маттео кивнул.

— Он доставит тебя к Переволоке. Там, где Дон ближе всего подходит к Волге. Я рассчитал время: наш караван будет проходить этот участок через двенадцать дней. Мы встретимся на левом берегу Волги, в землях ногайцев.

— А если Ильяс предаст? Если он просто перережет мне горло и заберет золото? — прошептал итальянец.

— Ильяс — контрабандист, а не дурак. Я пообещал ему долю в будущих поставках пороха из Сыгнака. Живой ты стоишь в сто раз больше, чем твой труп.

Тимур достал из-под плаща тяжелый кошель и передал его Джузеппе.

— Доставь его в целости, франк. И в Сыгнаке для твоего дома всегда будут открыты лучшие торговые ряды.

Путь в неизвестность

На рассвете ворота Кефе со скрипом распахнулись, выпуская караван Тимура. Десять тяжелых повозок, укрытых плотным брезентом, медленно покатались по каменистой дороге. Впереди ехал Тимур на статном ахалтекинце, за ним — Касым и десяток наемных нукеров султана, которые должны были служить и охраной, и конвоем.

Пейзаж стремительно менялся. Влажный морской воздух сменился сухим, колючим дыханием степи. Горы Крыма таяли в сизой дымке, превращаясь в призрачные очертания. Перед ними расстиралось Дикое поле — бескрайний океан ковыля, где не было ни законов, ни жалости.

Вечером, на первом привале у колодца, Касым подошел к Тимуру. Старик выглядел озабоченным.

— Мырза, ты слышал, о чем шепчутся нукеры у костра?

— О чем же?

— О Сыгнаке. Говорят, Убайдулла-хан, правитель Бухары, собрал огромное войско. Он привел с собой мастеров из Герата, которые льют медные пушки. Город в плотной осаде. Хлеба там осталось на месяц, не больше. А наши султаны... Султан Хакназар ушел в сторону Эмбы, он пытается собрать ополчение, но без городов, без ремесла он — просто предводитель шайки кочевников. Если Сыгнак падет, шейбаниды вырежут всех, кто помнит имя казаха.

Тимур долго смотрел на пламя костра. 1535 год. Самый мрачный час его народа. В его времени об этом периоде писали скупно: «период временного упадка и раздробленности». Но сейчас этот «упадок» пах горячей степью и кровью.

Он понимал: его миссия превратилась в гонку со смертью. Если он не успеет доставить мушкеты и чертежи, если Маттео не встретит его на Волге, если Хакназар-султан падет духом — история Казахского ханства закончится здесь, в XVI веке. Степь просто поделят между собой Московия, Бухара и Хива.

— Касым, — тихо произнес Тимур. — Сколько нам до Астрахани?

— Если кони не падут и ногайцы не перекроют броды — десять дней тяжелого марша. Но земли Ногайской Орды сейчас — это растревоженный улей. Мурза Шайдак грызется с братом Юсуфом. Они будут досматривать каждую телегу. Ханская грамота для них — просто тряпка, если они почуют запах золота или оружия.

Тимур сжал эфес сабли. Руки еще помнили тяжесть пистолетов.

— Значит, мы будем не просто идти. Мы будем прорываться. Касым, проверь, чтобы арбалеты были всегда на взводе, а порох у охраны — сухим. С этого момента мы спим вполглаза.

Он посмотрел на восток, где над горизонтом поднималась бледная луна. Где-то там, за сотни верст, его Маттео сейчас качался на волнах Азовского моря, а за стенами Сыгнака его соплеменники готовили последнюю стрелу для врага. Данабек чувствовал, как груз ответственности за будущее целого народа давит на его плечи сильнее, чем любые тюки с железом.

— Мы успеем, — прошептал он в темноту. — История — это не только то, что написано в книгах. Это то, что мы делаем прямо сейчас.

Караван погрузился в тревожный сон, а вдали, в глубине степи, уже завывали волки, предчувствуя большую кровь, которая скоро должна была пролиться на эту древнюю землю.

Глава 5

Глава 5. Полынь, порох и гордость Ногаев

Дикое поле встретило их глухим, монотонным шелестом ковыля и горьким, терпким запахом полыни. Здесь, за узким перешейком Перекопа, заканчивалась власть каменных крепостей и султанов. Начиналось великое царство ветра, пыли и конского копыта — бескрайний океан, в котором караван Тимура казался крошечной, уязвимой щепкой.

Десяток тяжелых телег, груженных железом, скрипел по древней сакме. Крымские нукеры, выделенные Мехмедом Гиреем для «охраны», с каждым днем нервничали все больше. Они привыкли к стремительным набегам на легких конях: ударить, захватить добычу и умчаться. Тащиться же со скоростью вола по землям, где рыскали разезды враждебной Ногайской Орды, было для них изощренной пыткой. Сотник крымчаков, жилистый ветеран с рваным шрамом через всю щеку по имени Бахтияр, беспрестанно озирался, не выпуская из рук лук.

— Мы идем слишком медленно, купец, — прошипел Бахтияр на пятый день пути, поравнявшись с Тимуром. — Телеги вязнут. Если дозоры мурзы Юсуфа нас заметят, им плевать на грамоту Калга-султана. Крым для них — враг. Они вырежут нас ради сапог и гвоздей.

— Кони идут так быстро, как могут, Бахтияр, — невозмутимо ответил Тимур. Как учитель физкультуры, он прекрасно понимал пределы выносливости мышц и сухожилий. Загнишь лошадей сейчас — останешься пешим посреди степи, а это верная смерть. — Держи своих людей в седлах.

Но чутье старого волка не обмануло сотника. На седьмой день, когда солнце начало клониться к западу, окрашивая горизонт в тревожные багровые тона, степь впереди ожила.

Сначала появилось дрожание марева, а затем из него вынырнула черная туча. Около сотни всадников неслись лавиной, рассыпаясь веером, чтобы взять караван в кольцо. Никаких боевых кличей — только глухой, отдающийся вибрацией в груди барабанный бой копыт. Знаменитая ногайская легкая конница брала их в клещи.

Бахтияр побледнел как полотно.

— Ногайцы! — истошно заорал он. — Бросай повозки! Уходим на рысях!

Крымчаки развернули коней, готовые бросить нанимателя и спасти собственные шкуры. Но Тимур действовал на инстинктах. Он мгновенно выхватил из-под кафтана заряженный колесцовый пистолет и наставил его прямо в переносицу Бахтияру.

— Тот, кто повернет коня, умрет раньше, чем ногайцы успеют натянуть луки! — голос Данабека лязгнул металлом. — Спешиться! Телеги в круг! Арбалеты к бою! Касым, прячь лошадей в центр!

Ледяное спокойствие и черное дуло неизвестного оружия подействовали на крымчаков отрезвляюще. Тихо матерясь, они подчинились. Тяжелые повозки с мушкетами быстро сдвинули, образовав импровизированную деревянную крепость — вагенбург.

Ногайцы, заметив грамотную оборону, резко осадил коней метрах в ста от каравана, подняв густое облако пыли. От конной массы отделились трое всадников в богатых кожаных доспехах с металлическими бляхами и медленно направились к телегам.

Тимур спрятал пистолет за пояс и, безоружный, вышел за пределы круга.

Впередсмотрящий ногайцев, молодой джигит с надменным лицом, остановил коня в трех шагах от Данабека.

— Кто такие? И почему топчете траву в улусе великого мурзы Юсуфа? — звонко спросил он.

Тимур не отвел взгляда.

— Я — купец Тимур. Иду в Сыгнал. Мои сопровождающие — люди из Кефе. Но я здесь не для того, чтобы воевать. Скажи своему отцу, мурзе Юсуфу, что я везу ему в дар то, что

изменит расстановку сил от Волги до Бухары. Если вы нападете, мои люди убьют десяток твоих воинов. Но главное — вы уничтожите секрет, который нужен Юсуфу больше, чем вода. Я требую встречи с мурзой.

Ногаец удивленно поднял бровь. Ни один торговец не смел так дерзко говорить с хозяевами степи.

— Общайте их, — бросил он своим людям. — Если он лжет, я лично скормлю его печень собакам.

Ставка мурзы Юсуфа

Они ехали под плотным конвоем два дня. Наконец, перед ними раскинулся гигантский кочевой город. Ставка мурзы Юсуфа потрясла воображение: тысячи белоснежных юрт усеяли долину безымянной реки. До самого горизонта паслись бесчисленные табуны. Это была первобытная мощь, способная по одному слову правителя выставить десятки тысяч сабель.

Тимура ввели в самую большую юрту, укрытую белым войлоком. Внутри пахло дорогими благовониями, кумысом и дымом. На возвышении сидел сам Юсуф — крупный, грузный мужчина с пронизательными, по-волчьи умными глазами. В 1535 году он еще делил власть с братом Шайдаком, но его амбиции уже тогда держали в напряжении и Москву, и Казань.

По левую руку от него, чуть в тени, сидела девушка лет семнадцати. Тонкие, аристократичные черты лица, цепкий взгляд темных глаз, богато расшитый камзол и серебряная шапочка с совиными перьями. Тимур, чей мозг историка работал безупречно, мгновенно узнал ее. Сююмбике. Дочь Юсуфа, будущая правительница Казани, чья трагическая судьба станет легендой.

— Мой сын говорит, ты дерзок, степняк, — пробасил Юсуф, разглядывая Тимура. — Ты пришел из Крыма, который я ненавижу, и говоришь загадками. Отвечай, или тебя разорвут лошаадьми.

Тимур прижал руку к груди, но спину не согнул.

— Великий мурза. Я везу не шелк. Я везу огнебойный наряд. Мушкеты. То, что делает османов непобедимыми.

По юрте прокатился удивленный шепоток. Юсуф подался вперед.

— Купцы не торгуют пушками. Откуда у тебя это? Зачем мне слушать тебя, если я могу просто забрать телеги?

— Железо мертво без знания, мурза. Моя цель — Сыгнак. Бухара глотает наши города. Если казахи падут, шейбаниды придут на твои пастбища. Если ты пропустишь меня, мы станем щитом для твоих южных границ. В знак союза я подарю тебе десять мушкетов и научу твоих людей стрелять.

В этот момент подала голос Сююмбике.

— Твои руки в мозолях от сабли, а не от весов, купец, — ее голос был мелодичным, но твердым. — Кто ты такой? Ты говоришь не как торговец баранами, а как человек, видящий на сто лет вперед.

Тимур посмотрел на юную княжну.

— Я тот, госпожа, кто не хочет, чтобы наши народы растворились в пыли. Наступает время огня и металла. Кочевники, не принявшие этот огонь, исчезнут.

Юсуф тяжело хлопнул ладонью по колену.

— Испытаем твое оружие! Завтра на рассвете. Если оно бьет так, как ты поешь — получишь мою пайзу на проезд до самой Астрахани.

Испытание и Разговор под луной

На следующее утро на окраине аула собралась тысячная толпа. В ста шагах от Тимура установили старую, но добротную кольчугу, надетую на деревянный чурбан.

Данабек действовал размеренно: засыпал порох, вогнал пулю, раздул фитиль тяжелого мушкета. Толпа замерла.

Он прицелился.
БАХ!

Грохот разорвал тишину, облако едкого дыма окутало стрелка. Когда дым рассеялся, зрители ахнули. Кольчуга была пробита навывлет, звенья вырваны с корнем, а чурбан разлетелся в щепки.

Юсуф лично осмотрел дыру от пули.

— Десять ружей. И три дня учишь моих людей, — постановил он, глядя на Тимура с новым уважением. — Затем пойдешь к Волге с моим знаком.

В последнюю ночь перед отъездом Тимур сидел у костра, счищая сажу со ствола. Неслышно, словно тень, к огню подошла Сююмбике.

— Мой отец думает, что ты посланник Хакназар-султана, — тихо сказала она. — Но я вижу в твоих глазах спешку. Так смотрят люди, за которыми гонится само время.

— Мы все бежим наперегонки со временем, Сююмбике.

Она задумчиво посмотрела в огонь.

— Скоро приедут сваты из Казани. От хана Сафа-Гирея. Они хотят, чтобы я стала его женой. Что бы сделал ты на моем месте, человек, который спешит изменить мир?

Тимур знал ее судьбу. Знал о защите Казани от Ивана Грозного, о предательстве, о плене. Он не имел права ломать ход истории слишком сильно, но не мог промолчать.

— Я бы посоветовал тебе никогда не доверять каменным стенам больше, чем собственному разуму, — мягко произнес он. — Правитель, отдавший свободу за жизнь, в итоге теряет и то, и другое. Твоя сила будет не в ханах, а в тебе самой.

Девушка вздрогнула. Она сняла с пальца серебряный перстень с бирюзой и протянула ему.

— Если твой путь приведет тебя в Казань, покажи это. Ворота откроются.

Тимур принял бесценный дар.

Встреча в камышах

На следующее утро караван, вооруженный резной деревянной пайзой Юсуфа, продолжил путь. Крымских нукеров Тимур с издевательской вежливостью отослал обратно к Калга-султану, сообщив, что мастер Маттео «трагически скончался от степной лихорадки». Гирей будет в ярости, но теперь между ними лежала степь Ногаев.

Через десять дней воздух запахом речной тиной и свежестью. Волга. Хаджи-Тархан (Астрахань) чернел вдаль, но Тимур повел караван в густые камыши левого берега, к району древней Переволоки.

Они ждали три долгих дня. Касым уже начал бормотать, что итальянец сбежал с золотом.

Но на закате четвертого дня из лабиринта проток бесшумно выскочила рыбацкая лодка. На корме греб капитан Ильяс, а на носу, замотанный в грязный плащ и облепленный комарами, сидел Маттео.

Едва лодка коснулась берега, венецианец вывалился на песок.

— Мадонна миа... — простонал он, отплевываясь. — Эти комары размером с голубей! Тимур, я проклинаю тот день, когда встретил тебя! Этот одноглазый пират гнал лодку так, словно за нами гнался сам дьявол!

Тимур расхохотался — искренне и громко. Он поднял грязного итальянца и крепко обнял.

— Ты жив, мастер! А значит, жив и Сыгнак.

Ильяс вышел на берег, по-волчьи скалясь.

— Я забрал его у Азова и провел по Дону. Мы перетащили лодку волоком. Дело сделано, степняк.

Тимур посмотрел на восток, через широкие свинцовые воды Волги. Там, за горизонтом, истекала кровью его родина. Дальше не было ни итальянских интриг, ни османских галеонов. Только жестокая степная война и их порох.

— Отдыхайте, — скомандовал Тимур. — Завтра мы переправляемся. И мы несем им гром.

Глава 6

Глава 6. Пепел Сырдарьи и Огненный рубеж

Горнило Приаралья

Путь от Волги до Аральского моря через плато Устюрт и Приаральские Каракумы выжег из них все иллюзии. Если Ногайские степи были диким морем трав, то здесь начинался сущий ад из растрескавшихся солончаков, палящего солнца и колючих кустарников, цепляющихся за жизнь в мертвой земле.

Днем с неба лился расплавленный свинец, а ночью степь выстуживало так, что зуб не попадал на зуб. Пыль забивалась везде: под одежду, в глаза, в скрипящие механизмы колесцовых замков.

Маттео был на грани помешательства. Итальянец, привыкший к влажному морскому бризу Венеции и прохладе каменных мастерских, превратился в высохшую, обгоревшую мумию. Его кожаные европейские башмаки давно истерлись в клочья, и теперь он шлепал по пыли в грубых татарских ичигах, проклиная тот день, когда связался с «безумным степняком».

— Мы сдохнем здесь, Тимур, — хрипел он потрескавшимися губами, едва переставляя ноги рядом со скрипящей телегой. — Эта земля проклята Богом. Здесь нет даже птиц.

— Пей, — Тимур сунул ему бурдюк. Вода в нем была теплой и противно-соленой. — Глотай мелкими глотками.

Данабек включил весь свой опыт тренера. Он знал о водно-солевом балансе больше, чем любой лекарь XVI века. Он жестко нормировал воду, заставлял Маттео и наемников сосать кристаллики каменной соли, чтобы избежать мышечных судорог, и не давал людям падать на привалах, заставляя медленно остывать в тени повозок. Каждый вечер, преодолевая усталость, он заставлял итальянца разбирать и чистить замки мушкетов. Это спасало оружие от песка, а разум мастера — от окончательного падения в пучину паники.

Выжили они во многом благодаря Ильясу. Контрабандист, чья шебека осталась спрятанной в камышах Волги, оказался гениальным следопытом. Он читал сухую степь, как раскрытую книгу.

— Там, где растет верблюжья колючка с синим отливом, под землей есть линза, — говорил одноглазый пират, втыкая кинжал в пересохшее русло. И действительно, раскопав песок на локоть вглубь, они находили мутную, но живительную влагу старых кудуков (колодцев).

Спустя месяц изнурительного марша горизонт наконец изменился. Появились зеленые пятна тугаев — приречных лесов, сплетения камышей и тальника. Они вышли к бассейну великой Сырдарьи. Но радость от вида живой воды мгновенно погасла, едва они почувствовали запах.

Ветер принес густой, тошнотворный дух гари и гниющего мяса.

Земля, политая кровью

Караван спустился в низину и замер. Перед ними лежал казахский аул. Точнее, то, что от него осталось.

Десятки юрт были сожжены дотла. Обугленные шаныраки (верхние круги юрт) валялись на земле, словно переломанные ребра огромных чудовищ. Скот был угнан, а в высокой траве и золе лежали тела. Старики, женщины, защитники аула, сжимавшие в омертвевших руках сломанные копыя... Над пепелищем с тяжелым карканьем кружило воронье.

Касым медленно сполз с коня. Старик упал на колени прямо в серую золу, зачерпнул ее трясущимися руками и глухо, по-звериному завыл. Это была земля его рода.

Тимур смотрел на резню, и его сердце превращалось в кусок льда. Одно дело — читать сухие строчки в учебнике истории: «В 1535 году войска шейбанида Убайдулла-хана совершили

опустошительный набег на Сырдарьинские города». И совсем другое — видеть, как история чавкает кровью твоего народа в реальном времени.

— Ищите выживших! — рявкнул Тимур, выхватывая саблю.

Они прочесали камыши у реки и нашли лишь одного. Подросток лет тринадцати, с разрубленным плечом, прятался в грязи, сжимая нож. Когда Тимур промыл его рану и дал воды, мальчишка заговорил.

— Это были гулямы (тяжелая конница) из Бухары. Они пришли ночью. Всех, кто мог держать саблю, убили. Женщин забрали в полон.

— Что с Сыгнаком? — жестко спросил Данабек.

— Осажден, мырза. Убайдулла-хан привез огромные пушки из Герата. Они бьют по стенам день и ночь. Город держится только чудом.

— А наши султаны? Где армия?

Мальчик опустил глаза.

— Султаны спорят, кто из них главнее. Только Хакназар-султан не сдался. Он увел остатки ополчения в урочище Кара-Кум, в двух днях пути на север. Пытается собрать людей для удара в тыл бухарцам, но у него мало воинов и почти нет брони.

Тимур поднялся. Его план сработал: они успели до того, как Сыгнак пал. Но ситуация была критической.

— Сворачиваем к урочищу Кара-Кум, — приказал он. — Мы идем к Хакназару.

Встреча с Волчком

Их перехватили на следующий день. Из зарослей саксаула вынырнул десяток всадников. Изможденные, в рваных малахаях, но их луки были натянуты до ушей, а наконечники стрел смотрели точно в грудь Тимуру. Охрана Хакназара не знала пощады к чужакам.

Только благодаря Касыму, который назвал имена своих предков и поклялся, что они казахи, принесшие помощь, их не расстреляли на месте. Под конвоем караван въехал в скрытый лесистый овраг, где располагался лагерь последнего сопротивления.

Это не было похоже на ставку будущего великого хана. Лагерь обреченных партизан: раненые стонали у скудных костров, кони с впалыми боками жевали сухую траву. В воздухе висело отчаяние.

Хакназар ждал их у единственной уцелевшей белой юрты.

В 1535 году он еще не был тем могучим правителем, что объединит казахов и ногайцев. Это был молодой, свирепый, но загнанный в угол принц. Острые скулы, пронзительный взгляд темных глаз, свежий шрам, пересекающий бровь. На нем был простой кольчужный панцирь, поверх которого накинута потертая халат. Он походил на молодого степного волка, окруженного сворой гонимых — опасного, готового дорого продать свою жизнь, но понимающего, что конец близок.

Тимур шагнул вперед, прижав руку к груди.

— Мое имя Тимур, султан. Я пришел из-за моря. Я привез то, что снимет осаду с Сыгнака и прогонит шейбанидов в их пески.

Вокруг Хакназара стояли седые батыры, покрытые шрамами. Один из них, одноухий гигант с боевым топором за поясом, презрительно сплюнул.

— Ты купец, а не воин. И ты привез франка-чужака и какие-то грязные повозки. Нам нужны тысячи свежих коней и метких стрелков, а не твои пустые речи!

Хакназар поднял руку, призывая к тишине, но не сводил глаз с Тимура.

— Я видел бухарские пушки под стенами Сыгнака, — глухо произнес султан. — Они огромны, как стволы вековых деревьев. Их тянут десятки волов. А ты привез мне какие-то железные палки в телегах? Мои батыры правы. Это железо не остановит закованную в сталь конницу Убайдуллы.

— Эти «палки» плюются смертью с плеча одного человека, султан, — спокойно ответил Тимур. Он подошел к телеге и сдернул брезент, обнажив тускло блестящие стволы мушкетов. — Дай мне пятьдесят твоих самых толковых парней, и я покажу...

Крещение огнем

Его слова потонули в истошном крике дозорного, скачущего с гребня холма.

— Враг! Гулямы! Идут прямо на нас!

В лагере вспыхнула паника. Раздались крики, ржание лошадей. Казахские воины, хватая сабли и луки, бросились к коням. Хакназар вскочил на своего скакуна, выхватывая клинок.

— Они выследили нас! — прорычал он. — Приготовиться к бою! Мы умрем как свободные люди, а не как рабы!

Тимур вскочил на телегу и посмотрел в сторону долины. Земля дрожала. Из-за холмов, выстраиваясь в клин, выходила тяжелая бухарская конница. Более трехсот гулямов — профессиональных наемников Убайдулла-хана. На них были стальные зеркала, кольчужные маски, даже их тяжелые боевые кони были прикрыты кожаной броней. Против сотни легковооруженных казахов Хакназара это был каток, который просто раздавит лагерь в кровавую лепешку.

— Султан! Стой! — заорал Тимур во всю силу своих легких, перекрывая шум. — Ты погубишь людей! Дай мне перекрыть проход!

Хакназар обернулся. В его глазах полыхала ярость, но он увидел абсолютную, нечеловеческую уверенность в лице странного купца. Султан махнул рукой.

— Если ты солгал, мы встретимся в аду!

Тимур действовал молниеносно.

— Ильяс! Касым! Разворачивайте телеги поперек ущелья! Колеса сцепить цепями!

Он выхватил из повозок десяток тяжелых фитильных мушкетов — самых мощных, способных пробить рыцарские латы.

— Маттео! Готовь порох, фитили и пули! Будешь заряжать, как проклятый демон, если хочешь жить!

Итальянец, белый как мел, трясущимися руками начал раскупоривать бочонки.

Тимур выстроил Ильяса, Касыма и шестерых наемников за телегами в две шеренги. Он не мог обучить их сложной тактике, но он знал базовый принцип: караколе. Первая линия стреляет и уходит назад перезаряжаться, вторая делает шаг вперед. Непрерывный огонь.

Бухарская конница набирала ход. Триста закованных в сталь всадников неслись прямо на жалкую баррикаду из телег. Степные лучники Хакназара выпустили тучу стрел, но те с жалким звоном отскакивали от шлемов и панцирей гулямов.

Земля гудела. Двести шагов. Сто шагов.

Наемники Тимура дрожали, видя несущуюся на них лавину стали и копий.

— Держать строй! — рявкнул Тимур, устанавливая тяжелый ствол мушкета на борт телеги и раздувая тлеющий фитиль. — Целиться в грудь лошадям и всадникам! Ждать моей команды!

Пятьдесят шагов. Лица врагов в прорезях шлемов уже были ясно видны. Они победно выли, предвкушая легкую резню.

— ОГОНЬ! — скомандовал Тимур и нажал спуск.

Раздался оглушительный, чудовищный грохот, с которым степь еще никогда не сталкивалась в ближнем бою. Облако густого, едкого серого дыма мгновенно заволокло проход.

Эффект был апокалиптическим. Свинцовые пули размером с грецкий орех, вылетевшие из стволов с чудовищной кинетической энергией, не просто пробивали броню — они проламывали стальные нагрудники, крошили ребра, отрывали конечности.

Первая шеренга гулямов просто исчезла, превратившись в месиво из визжащих, кувыркающихся лошадей и разорванных человеческих тел.

— Первая линия назад! Вторая к телегам! — командовал Тимур, не давая своим людям опомниться в дыму. Маттео, плача от страха, впихивал в горячие стволы новые заряды пороха и свинца.

Бухарцы, не ожидавшие удара такой силы, смешались. Тяжелые лошади, обезумевшие от грохота, запаха сгоревшей серы и крови, вставали на дыбы, сбрасывая закованных в броню седоков. Клин рассыпался, превратившись в хаотичную толпу прямо перед телегами.

— ОГОНЬ! — снова заорал Тимур.

Второй залп в упор скошил тех, кто пытался развернуть коней. Броня, гордость шейбанидской армии, оказалась бесполезной жестянкой против гонуэзского пороха и казахской решимости.

Хакназар, наблюдавший за этим из-за спин стрелков, замер. Его глаза расширились. Он видел, как десяток людей за деревянными повозками за две минуты уничтожил треть лучшей ударной конницы врага.

Потрясение бухарцев переросло в животный ужас. Они не понимали, что за магия рвет их на куски. Те, кто уцелел, начали судорожно разворачивать коней, давя своих же.

— В атаку! — голос Хакназара сорвался на рык, похожий на рев проснувшегося барса. — Добить их! Не дать уйти ни одному!

Казахская легкая конница, опьяненная неожиданным чудом, лавиной выплеснулась из-за холмов. Они догоняли деморализованных гулямов, стаскивали их арканами с седел, добивали булавами и топорами. Бой превратился в избиение бегущего врага.

Рождение Новой Армии

К полудню всё было кончено. Степной ветер медленно уносил пороховой дым. Узкий проход был завален телами людей и лошадей в блестящих панцирях.

Тимур прислонил дымящийся мушкет к колесу телеги и вытер почерневшее от сажи лицо. У него звенело в ушах, плечо ныло от отдачи, но он чувствовал дикий, первобытный триумф. Маттео сидел на земле, обхватив голову руками, и истерично смеялся.

К баррикаде медленно подъехал Хакназар. За ним тянулись его батыры. Они больше не смеялись. Одноухий гигант спешил, подошел к убитому бухарскому сотнику, вытащил из его пробитого панциря сплюснутый кусок свинца и с мистическим благоговением посмотрел на Тимура.

Султан спрыгнул с коня. Он подошел к Данабеку и долго смотрел ему в глаза. Взгляд молодого правителя изменился. В нем больше не было отчаяния затравленного волка. В нем горел холодный огонь человека, который только что понял, как завоевать мир.

— Ты привез не железо, Тимур, — тихо, но так, что слышали все, произнес Хакназар. — Ты привез нам молнию самого Тенгри.

Он положил руку на дымящийся ствол аркебузы.

— Сколько у тебя еще этого оружия?

— В повозках — сотня стволов, султан. Порох и свинец на тысячу выстрелов. И, — Тимур кивнул на Маттео, — мастер, который обучит твоих кузнецов делать такие же в любых количествах.

Хакназар повернулся к своим батырам.

— Собирайте трофейное оружие! Снимайте броню с мертвецов! Ловите их коней! — голос султана гремел над долиной. — Мы больше не прячемся по оврагам!

Он снова посмотрел на Тимура. Теперь он обращался к нему не как к купцу, а как к равному.

— Эмир Тимур. Ты встанешь по правую руку от меня. Завтра на рассвете мы выступаем. Мы идем на Сыгнак. И Убайдулла-хан захлебнется собственной кровью под его стенами.

Степь, спавшая столетиями, проснулась от запаха пороха. Правила игры изменились навсегда.

Глава 7

Глава 7. Тени под стенами Сыгнака

Запах свежей крови и сгоревшего пороха еще висел над ущельем Кара-Кум, когда Тимур и Хакназар склонились над импровизированной картой, начерченной кинжалом прямо на утопанной земле.

Султан оказался не просто смелым рубакой. В его глазах светился холодный, расчетливый ум человека, рожденного для шахматной партии, где ставкой были судьбы народов. Он быстро схватывал суть.

— Осада Сыгнака — это не просто кольцо из людей, Тимур, — Хакназар острием клинка обозначил изгиб Сырдарьи. — Убайдулла-хан разбил свой главный лагерь здесь, вне досягаемости городских лучников. А вот тут, на возвышенности, стоят его осадные орудия. Гератские пушки.

— Почему пушки так далеко от главных сил? — прищурился Тимур. — Это же их главный козырь.

— Порох, — усмехнулся султан. — Бухарцы боятся его не меньше, чем мы. Орудия изрыгают столько огня, а пороховые бочки так нестабильны, что их держат подальше от ханских шатров и костров пехоты. Иначе одна шальная искра, и весь лагерь Убайдуллы взлетит на воздух. Их охраняет отдельный отряд пушкарей и сотня гулямов.

Тимур потер подбородок. В голове мгновенно сложился пазл.

— Значит, мы ударим именно туда. В самое сердце их огневой мощи.

— Нас слишком мало, чтобы прорвать даже этот заслон, — покачал головой старый Касым, стоявший рядом. — Нас изрубят до того, как мы доберемся до орудий.

— А мы не будем прорываться, — жестко ответил Тимур. Он кивнул на горы трупов в бухарской броне, которые сейчас обирали казахи. — Мы туда просто зайдем. Выберем сорок человек, комплекцией похожих на бухарцев. Наденем их панцири, шлемы с личинами. Кровь в темноте никто не разглядит.

Хакназар вскинул бровь, оценивая дерзость плана.

— И что вы скажете дозорам?

— Что наш командир, эмир Махмуд, мертв. Что мы — чудом выжившие остатки передового отряда, которых потрепали степняки, и нам срочно нужно пополнить боезапас у пушкарей. Главное — подобраться вплотную. А когда мы развернем стволы в сторону ставки Убайдуллы... нам понадобится отвлечь их армию.

Султан улыбнулся. Это была страшная, волчья улыбка.

— Я дам им такое зрелище, что они забудут про пушки. Каждый мой всадник привяжет к седлу и копыям по пять факелов. В ночной степи три сотни коней будут выглядеть как пяти тысячная армия. Мы ударим с фланга, с воем и грохотом. В это же время защитники Сыгнака, увидев огни, сделают вылазку.

— Три удара одновременно, — подытожил Тимур. — Идеальный хаос.

Времени на долгие сборы не было. Солнце уже клонилось к закату. Тимур собрал отобранных добровольцев. Он не стал забивать им головы теорией баллистики.

— Слушать сюда! — скомандовал он, показывая аркебузу. — Порох в ствол. Пулю сверху. Пыж. Фитиль в замок. Навел в грудь — нажал. Всё! Ваша задача — просто защитить меня и Маттео, пока мы будем колдовать над пушками.

Ночь опустилась на Сырдарью тяжелым бархатным покрывалом.

Сыгнак пылал. Даже за пару лиг от города было видно багровое зарево пожаров и слышен глухой, ритмичный грохот — гератские монстры продолжали методично крушить древние стены.

Отряд Тимура двигался шагом. Сорок человек, закованных в чужую, липкую изнутри броню. Тимур ехал впереди, натянув на лицо кольчужную маску убитого сотника. Рядом трясся Маттео, переодетый в простой халат — итальянец должен был помочь с наведением тяжелых орудий.

Возвышенность с пушками освещалась редкими жаровнями. В темноте вырисовывались массивные бронзовые стволы, каждый размером с хорошее бревно. Вокруг суетилась обслуга.

— Стой! Кто идет?! — окрик часового на фарси разорвал тишину, когда они приблизились к первой линии оцепления. Зазвенело оружие.

Маттео сглотнул и, переведя дух, крикнул на идеальном османском, который легко понимали при дворе шейбанидов:

— Свои! Люди эмира Махмуда! Нас зажали в ущелье, эмир убит! Мы привезли раненых и нам нужен порох!

Часовой с факелом подошел ближе. Свет выхватил из мрака изрубленные панцири, чужую кровь на стали.

— Какого х** вы приперлись сюда, а не в лечебный шатер? — нахмурился стражник, но копье опустил.

Это была его последняя ошибка. Тимур, не говоря ни слова, выхватил из-под плаща заряженный пистоль и всадил пулю прямо в лицо бухарцу. Грохот выстрела потонул в очередном залпе осадных пушек.

— Режь их! — рявкнул Тимур по-казахски.

Отряд сорвался с места. Переодетые казахи молча, без боевых кличей, врубались в оцепление. Вспыхнули фитили мушкетов. Грянул залп в упор по пушкарям у орудий. Началась безжалостная, короткая резня в темноте. Охрана батареи, не ожидавшая удара в спину от «своих», полегла за несколько минут.

— Маттео! К орудиям! — заорал Тимур, сбрасывая тяжелый шлем.

Бронзовых чудовищ было четыре. Тимур и итальянец, надрываясь вместе с десятком солдат, навалились на рычаги. Огромные колеса скрипнули.

— Вон туда! — Тимур указал рукой вниз, в долину, где раскинулся гигантский лагерь Убайдулла-хана, увенчанный роскошным белым шатром главнокомандующего. — Угол ниже! Забивай клинья! Картечь есть?!

— Только ядра, синьор! — крикнул Маттео, ловко орудуя банником, прочищая горячий ствол.

— Грузи ядра!

В этот момент горизонт позади бухарского лагеря вспыхнул.

Одна за другой во тьме зажглись сотни, тысячи точек. Они неслись лавиной, расплываясь огненным морем. Степь содрогнулась от многоголосого воя. Хакназар вел своих «призраков».

В лагере шейбанидов затрубили тревогу. Заметались люди. Бухарские командиры, выскочив из шатров, с ужасом смотрели на надвигающуюся огненную армаду, уверенные, что к Хакназару подошла вся Казахская Орда. А со стороны Сыгнака со скрипом начали открываться городские ворота.

Тимур взял тлеющий пальник из дрожащих рук итальянца. Он посмотрел на белый ханский шатер, вокруг которого в панике бегала личная гвардия Убайдуллы.

— Ну что, хан, — прошептал Тимур. — Лови ответочку.

Он поднес огонь к затравочному отверстию.

Слепящая вспышка разорвала ночь. Четыре гератские пушки, заряженные двойной порцией генуэзского пороха, одновременно рявкнули, выплевывая чугунные сферы смерти прямо в центр ставки врага.

Земля содрогнулась. Тимур видел, как тяжелые ядра прорубили просеку в рядах личной гвардии Убайдуллы, сметая людей и коней, словно кегли. Белоснежный шатер главнокомандующего лопнул, как перезрелый плод, оседая грудой изорванного шелка.

Адреналин ударил Тимуру в голову. Чувство абсолютной, сокрушительной мощи опьянило его. Внизу, в лагере, царил невообразимый хаос. Бухарцы метались в свете пожаров, пытаясь понять, откуда пришла смерть, а на фланге уже ревел огненный шторм — сотни факелов Хакназара создавали иллюзию атаки огромной орды.

— Еще! — сорванным голосом заорал Тимур, не отрывая взгляда от горящего лагеря. — Заряжай картечью! Бейте по казармам! Не дайте им опомниться!

Маттео, задыхаясь от едкого дыма, вместе с казаками судорожно загонял в раскаленные стволы мешки с рубленным свинцом и гвоздями. Снова грохот. Снова фонтаны земли и крови внизу. Тимур был словно в трансе. Он увлекся бойней, наслаждаясь тем, как его план уничтожает несокрушимую армию шейбанидов, и забыл главное правило любого командира: никогда не терять контроль над периметром.

Они не выставили дозорных на тропе, ведущей к батарее.

Смерть ударила из темноты. Полсотни уцелевших бухарских пушкарей и гулямов охраны, обогнув холм, беззвучно ворвались на позиции диверсантов.

Тимур понял свою ошибку только тогда, когда прямо рядом с ним раздался предсмертный хрип одного из переодетых казахов — бухарская сабля снесла ему полголовы.

Началась жестокая, беспорядочная рубка в клубях порохового дыма. Длинные мушкеты здесь были бесполезны. В ход пошли кинжалы, сабли и приклады.

— Сзади! — отчаянный, срывающийся на визг крик Маттео заставил Тимура резко обернуться.

Огромный гулям в кольчужной маске занес копьё, целясь Тимуру в спину. Маттео, бросив банник, с отчаянием загнанного в угол зверя кинулся наперерез. Удар, предназначавшийся Тимуру, пришелся итальянцу в бок. Широкий наконечник копья с хрустом пробил ребра, разорвав сукно халата.

Маттео захрипел и осел на землю, зажимая хлещущую рану.

— Нет! — взревел Тимур. Мышечная память прежнего хозяина тела сработала мгновенно. Он ушел под древко копья, выхватил саблю и одним коротким, страшным по силе ударом перерубил бухарцу горло.

— Круговая оборона! К орудиям! — кричал он, отбивая атаки и пятась к раненому итальянцу. Его люди падали один за другим. Если бы не тяжелая броня, снятая с мертвецов в ущелье, отряд вырезали бы за минуту.

Но в этот момент внизу, в долине, произошло то, что решило исход битвы.

Среди хаоса разрушенной ставки показался высокий всадник в сверкающих золотом доспехах. Убайдулла-хан не был убит первым залпом. Он сидел на своем аргамаке, окруженный плотным кольцом личной гвардии. Хан холодно окинул взглядом горящие шатры, захваченную батарею на холме и несущееся из степи море огня.

Он был слишком опытным полководцем, чтобы поддаться панике, но и слишком умным, чтобы умирать в ловушке. Понимая, что управление войсками потеряно, а его главный козырь — пушки — теперь бьют по его же людям, Убайдулла принял безжалостное решение.

Он не стал поднимать армию в контратаку. Он просто развернул коня.

Ханский бунчук качнулся и двинулся прочь от Сыгнака, уводя за собой элиту тяжелой конницы. Убайдулла-хан уходил, бросая пехоту и осадный лагерь на растерзание.

— Хан бежит! — этот крик, подхваченный тысячами глоток, стал приговором для бухарской армии.

Увидев спину своего главнокомандующего, даже самые стойкие отряды шейбанидов дрогнули. Паника превратилась во всеобщий, неуправляемый ужас. Они бросали оружие, топ-

тали друг друга, пытаясь вырваться из котла. На холме бухарцы, теснившие отряд Тимура, тоже оглянулись. Увидев бегство хана, они бросили окровавленные сабли и растворились в темноте.

Со стороны Сыгнака со страшным скрежетом открылись городские ворота, и истощенный, но жаждущий мести гарнизон хлынул в долину, добивая отступающих.

Тимур тяжело осел на станину пушки. Вокруг лежали трупы врагов и тела двух десятков его людей — цена его невнимательности.

— Тимур... — слабый голос вывел его из оцепенения.

Матео лежал в луже собственной крови, его лицо было бледнее мрамора, дыхание срывалось на свист.

Тимур упал перед ним на колени, судорожно разрывая ткань вокруг раны. Итальянец попытался улыбнуться.

— Я... я заряжал так быстро, как мог, синьор...

— Держись, слышишь? — глухо произнес Тимур, прижимая руки к его ране. — Ты не смеешь здесь сдохнуть, макаронник. Мы еще не построили наш завод.

Внизу полыхала степь, ознаменовывая первую великую победу нового союза. Но вкус этой победы отдавал для Тимура горечью меди и крови.

Глава 8

Глава 8. Цена крови и хлеба

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.